

ПРОЗА

Владимир УФЛЯНД Из жизни Ухорылых	93
Братья ШАРГОРОДСКИЕ Художник из Нью-Амстердама	110
Александр БИРШТЕЙН Живаго и Кукурузник	124
Олег ГУБАРЬ Дядя Вова	128
Владимир ГРИДИН Светлячки	133
По пути к Ставрову Публикация Вадима АМУРСКОГО	148
Перикл СТАВРОВ <i>Мосье Жан</i>	155
<i>Дорогой дальнею</i>	159
<i>Тэффи</i>	165
Лена КУТИНОВА Коловращение	169
Геннадий ГАНИЧЕВ Эвридика	178
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ Символична ли кастрация современников? ..	193

Владимир УФЛЯНД

Из жизни Ухорылых (культовые рассказы)

Почти все имена изменены в интересах следствия

1. Петр-ключарь

Петр-ключарь, зевая и почесываясь, ковыляет при палочке на неистовый стук и крик. Кованое серебро ворот гудит.

Изображая церберское рычание, привратник достает из пояса золотой ключ и ковыряет в кованом из электрона замке.

В образовавшуюся щель первой просовывается с перерезанным от уха до уха горлом молодуха.

— Туда, милая, — указывает Петр на цветник, издали одуряющий ароматом на зависть мадам Шанель. У молодухи начинает быстро горло заживать.

— Осторожней, бабуля, — помогает ключарь голой синей старухе споткнувшейся. — Проходите, родные, не спешите, друг дружку не толкайте. Хватит места всем. Ждет Боженька. Заждался. А ты куда? — останавливает голого, окровавленного и грязного, но чем-то отличного от всех мужика. — Ты обратно давай. Тебе не время еще. Тамошний еще ты.

— Окстись, Харон Церберыч. У меня тут под языком застряла мелочь, — внезапно в рифму получленораздельно ноет нездешний. — Вот, держи лепту. Нешто я зря был наемни сжит со свету? — протягивает он пачку жеваных, похожих на капустные, листов апостола. — Здесь, может, лимон аккурат. Не отправляй только, ради Христа, в ад.

Впущенные тем временем на глазах белеют и молодеют.

— Кто тебе сказал, что ты того, уже не жилец? — отталкивает капусту вахтер райский.

— Дык меня легавые, в бяку стрельцы. Отправили в мертвецы!

— Гони в шею его ты! — раздается внезапный Божий глас. — Оборзели совсем! Живых зачисляют мертвецы! Расследую это я уж!

Петр глушит тяжелым ключом рифмача по голове и сталкивает умолкшее тело ногой вниз. Тело устремляется к поверхности земной.

Бог вытаскивает том во много раз Святого Писания толще. И углубляется свидетельств в поисках о жизненных перипетиях жильца, выдать себя за почившего праведника пытавшегося. В этом томе, многотомника

одном из тысячи томов, вся подноготная последние несколько лет живущих. На какой-то странице Он узнает, что:

2. Однажды в одной

Однажды в одной отдельно взятой стране народ проснулся с чувством безграничной. В окна солнце заливало. С раскладушек вскочил народ. Сделал утреннюю зарядку. Быстро на улицы поспешил.

Кое-кто услугами бань воспользоваться намечал. Кое-кто самолетами Аэрофлота улететь планировал куда-то.

Но кое-кто по имени Ликолай шел вдоль ограды кладбища.

— Извините, — остановил его незнакомец. — Можно к вам обратиться и с вами поговорить?

— Пожалуйста, — остановился Ликолай, попросту Коля.

— Слушай, старик, — начал, оглянувшись кругом, незнакомец, — у тебя стакан пустой есть?

— Ну, допустим, — глянул на пролом в ограде Ликолай.

— Третьим будешь, — закончил разговор второй незнакомец, внезапно подойдя к стоящим.

3. Мой один вась-вася

— Мой один вась-вася, его Сеня, то есть Экстрасенс Зомбиевич звать, сказал, что с той недели завязал, — достал одновременно с рифмой из кармана пузырь первый незнакомец, имя которого тоже оказалось Коля. Точнее, Коллодий.

— В смысле врезывать? — недоверчиво спросил второй по имени Суггестий Ухорылых.

— В смысле вбацивать, — показал жевательное движение Коллодий, — пьет и внушает себе, что закусывает.

— Когда-то закусывал тушенкой, а теперь внушкой, — мастерски срифмовал Суггестий.

— Не говори. Цены-то как гуйнули, — врубился второй Коля.

— Сто кусков Беломор, пузырь и плавленый сырок, — сосчитал в уме Суггестий. — Хоть пить и курить давай зарок.

— А Сеня пить не бросил. А вместо закуски закуривает.

— Смотри: бабеч прикольная из могилы выглянула, — указал за спины сопузырников Ликолай.

— Ты вчера, небось, лишний пузырь запуздырил, — принялся отколу-пить пробку его тезка.

— Разливай, Ликолай, — не шибко удачно срифмовал Суггестий, выставляя на могильную плиту рядом с ликолаевским еще два стакана, извлеченные из примогильного мусора. — А ты, Коллодий, что сидишь именинника вроде? — продолжил рифмовать он. — Ты давай закусь выдавай.

— Смотри: вытиран с усами во френче из могилы выглянул! — замер с кульком в руке Коллодий.

— Ты еще не пригубил, а мозги свои уже в ягодицы заглубил, — опять срифмовал Суггестий.

— Кыш! — перекрестился и махнул на наваждение Коллодий.

Видение с усами исчезло. Коллодий выложил из кулька жмень квашеной капусты и сервировал ее на обрывке газеты. Потом он полез под полу куртки за своим пузырем. В эту секунду закусь и посуда с бухлом качнулись.

— Кули ты стол шатаешь? — дал в морду Коллодий Ликолаю.

Тот левой зажал ссадину на щеке, а правой схватил стакан, чтоб удержать его содержимое. Суггестий со вторым Колей прильнули выхлебать налитое.

— Смотри: динозавр из могилы лезет! — сипло выдохнул проглоченное Ликолай.

— Сам ты динозавр, — глянул в ту же сторону Коллодий.

Он увидел тощую грязную ногу. Нога из-под гранитной плиты тянулась к ополовиненному пузырю.

— Брысь! — сказал Суггестий.

Нога схватила пальцами бутылку и утащила.

Вместо ноги все трое увидели кольца громадного червя метра два диаметром. А длины... Червь бесконечно лез и лез из-под камня. На лице червя под шербатым носом висели черно-фиолетовые усы. Он выпил кровь, вылившуюся из носа Коли. Потом присосался ко второму оставшемуся, но тоже ополовиненному пузырю.

4. Ликолай и Коллодий

Ликолай и Коллодий лежали на спинах. У одного рот был заткнут грязным носком. У другого голова прижата тяжелым ботинком. Шуршали шины. Голос Суггестия Ухорылых выль в рифму.

— Суки с рогами, зачем вы везете меня вперед ногами? Вы что: похоронить меня решили? Зачем вперед ногами положили?

Ему никто не отвечал. Он вертелся на резиновом полу, пытаясь ослабить путы на туловище. Обутый в тяжелые ботинки читал книгу, завалившуюся с прошлого дежурства.

— Вагон клеймен. Металлолом. Вой. Страстный глаз. Змея страшает. Взорвет маньяк. Забьет твой слон. Залетный к роду принуждает.

— Главное, оба пузыря только ополовинили, — думал Коллодий.

Суггестию удалось зубами открыть заднюю дверь. От рывка его выбросило из автомобиля. Пристроившаяся сзади "Ока" затормозила, но по инерции наехала на выброшенного, разорвав путы. Пока водитель "Оки" расстегивал свой ремень безопасности, на улице возникла пробка. Машины сталкивались. ГАИ трубило.

Суггестий меж тем встал и поконделял к ближайшему ларьку. Там он вытащил нечто вроде засохшего капустного листа.

— Не бзди, собака. Капуста не фальшивая. С гознака. Сегодня в поллучку дали сучары. Бери и гони пузырь бодяры.

Завороженный, как всякий настоящий русский, магией рифмованной речи, хозяин взял капусту и выдал пузырь.

5. Оба Коли

Оба Коли лежали связанные в комнате, увешанной крюками, цепями и другими приспособлениями для пыток. Один из хозяев комнаты смотрел по виду порнуху или чернуху попеременно с сериалом "Сто двадцать одно откровение осени" про генерала Бырдакова.

Второй вслух читал:

— Еда. Врубился я на след. В душе тупая мерзь трепещет. Как молвила. Тоскою плещет. Едри моли. Казак речет.

Третий писал:

Агамемнин Ликолай Пабович. Место работы — бомж. Место жительства — Стародевичье кладбище. Год рождения не помнит. Террасимов Коллодий Гвоздильевич. Бомж. Кладбище. Не помнит.

Любитель порнухи и чернухи поднял телефонную трубку.

— Угол Салтыковского и Щедринской? Ботинки фасона говнодавнего. С десяти примерно тридцати. Понял. Эй, кончайте, губари. Двигаем, пока он еще тепленький.

Пятидверная иномарка американской сиреной разгоняла вереницы моторных и пеших. Водитель выехал на трамвайные рельсы, чтоб выжать из иномарки скорость. Но тут перед радиатором возник усатый

щербатый старик в нижнем белье и замахал. В зубах он держал горящую трубку.

— Во персональный пенсионер расколдыбался, — удивился водитель.

— Йокнулся пенис! — высунулся из бокового чтец старой книги. — Ты что, пенс гребаный?

— Я не пенс, — вынул трубку из зубов несомненный пенсионер и УВОВ, а, может быть, и Гражданской. — Пенсы были наркомы Лаврентий, Вячеслав и Михаил, всесоюзный староста. Пенисы, или по-русски пенсны, на носы надевали. А меня даже в очках никто не видел.

— А чего ты в кальсонах, увов? — опустил стекло любитель порнухи.

— Раздели, — вставил трубку в усы пенс. — Назвали черножопым кавказоязычником и френч генералиссимусовский сняли. С бриллиантовой звездой. В тот двор убежали. Две их было. Школьницы. Пьяные вдугаря.

— Прихватим одного убитого по дороге. После поймал твоих правонарушительниц, — открыл дверцу составитель протоколов Зряха Буравин. — Ну и вонь от тебя, ваше превосходительство, — сморщился протоколист, когда старый впихивался на сиденье.

— Бомжи кое-чем все кладбище обдрили, — объяснил тот, не вынимая трубки. — Ай да парень-паренек! Дайте только парню срок, — запел он на мотив "Сулико", как только машина тронулась.

Возле ларька стояли несколько человек у тела Суггестия Ухорылых, залитого с головы до ног чем-то красным.

— "Все придет к концу, как день к закату. Потому, прождав меня сто лет, уберешь и праздничную скатерть, и кувшин с цветами на столе", — декламировал один с полным бухла стаканом.

— Он был временами не ниже Пушкина, — всхлипнул другой.

— Выше! — сквозь рыдания крикнул третий.

— Кое-кто говорил, что Пушкин был Ухорылых своего времени, — прорыдала женщина по кличке "мамка".

— "И не жди. А если ветер воет, то совсем не я тебя зову. Я, наверно, где-нибудь под хвоей серую, йоп твою мать, заслушался сову", — закончил декламатор, рыдая навдрызг.

— Кто это его так гуйнул? — указал на тело видеоман Хронид Резюмов.

— Я, — отодвинула рыдающих бухарей молодая красивая женщина.

— Врешь, — отмахнулся Хронид.

— Нет, не врет, — дружно захрипела бухара, — сами видели, как она ему об голову располовиненный пузырь растучила. Он сразу кровью залился, лег, блин, и кончил жить.

— Имя, фамилия? — приготовился писать Зряха Буравин.

— Полимера Ухорылых, — дружно продиктовали очевидцы. — Только месяц как Суггестий с ней расписался. А его прежняя Аденоида два месяца назад убежала. Сказала, что он ее как мужчина не удовлетворяет.

— Проверим, — втокнул подозреваемую рядом с черножопым кавказоязычником Сфинктор Хлебедев.

Суггестия положили опять вперед ногами.

У перекрестка две школьницы бухали из горла что-то разноцветное. Одна во френче с бриллиантовой звездой. Другая в фуражке с золотыми листьями той же эпохи.

— Эй, пенс! Погляди. Не эти тебя стопорили?

Ответом было молчание. Хронид, Зряха и Сфинктор обернулись назад. Старика и Полимеры не было. Все дверцы в машине были заперты изнутри.

— Сбежал нарком с наркоманкой, — подытожил один, а двое других выматерились от сверхъестественности происшедшего.

6. В полночь

В полночь Суггестий Ухорылых захотел помочиться и похмелиться. Он поискал в карманах деньги или заначку бухла. Карманы исчезли вместе с одеждой. При полутемном свете лампочки он стянул простыню, покрывавшую с головой человека рядом.

— Проснись, сосед! Где тут мужской туалет?

Простыня открыла голую старуху, уже давно мертвую и окоченевшую. Суггестий подавил озноб страха и холода. Набросил на себя старухину простыню. Дошел до второго лежака. Приподнял белую ткань.

— Эй, друг, закурить не найдется?

На него невидяще глянула девушка с перерезанным от уха до уха горлом. Суггестий чуть не перекрестился. Но рука двигалась плохо. Смутно помнилось, что он упал. Потом взлетел. К каким-то воротам. Потом снова долго падал. Отключался и снова несколько раз включался.

Через десяток минут он обошел весь зал. Понял, что он в мертвецкой. На своем животе и руках ощутил запекшуюся кровь. Сортира не нашел. От невозможности культурно отлить заколотил кулаками в дверь. Он стучал так, пока дверь не открылась.

— Глядский жмурик, — обдал Суггестия паром и перегаром изо рта дежурный трупокладчик и замахнулся обрезком трубы. — Ложись, пад-

ла гиблая, где положили!

Суггестий перехватил обрезок, вырвал у трупоположенца и шуякнул по черепу. Трупоположенец упал плашмя. Суггестий придушил его для верности. Стянул с него шматье и, еще дрожа, натянул на себя. Потом увидел сортир и помочился от души.

В кармане была связка ключей. Отпер наружную дверь и вышел на теплый по сравнению с мертвецкой свежий ночной воздух.

7. Оба Коли выли

Оба Коли выли на пыточных крюках вниз головами. Сфинктор убеждал их делать это не так истошно с помощью резинового приспособления в форме дубинки.

— Наблюдали ли неопознанные летающие объекты американского производства, в точности копирующие инопланетные тарелки? — прочел вопрос Зряха.

— Я самый главный мудака бывшего Эсэсэсэр! — краснел от прилива крови к голове Ликолай в ответ.

— Нет, я самый главный! Я еще мудее! — натужился Коллодий.

— Воздействовали на вас психотронной аппаратурой?

— Моя жена была самая ревнивая в мире! — выдавил Коллодий.

— Нет, моя была еще ревнивей! — перебил Ликолай. — Как приходил от дьяблей, она брала утюг и звездеч между рог по крыше.

— Как выглядит аппаратура? — прочел Хронид.

— Две емкости. Одна на огне. Из нее змеевик в другую. Соседи им круглые сутки воздействуют, — понял вопрос Коллодий.

— Трудило! Это же самогонный аппарат! — поднял дубинку Сфинктор.

— Нет! Не самогонный! Психотронный! Действует. Как выпьешь, сразу вся крыша едет!

— Они танцуют по ночам интернациональный танец скок-поскок! — пропел Ликолай.

— Кто? — поднял инструмент Сфинктор.

— Они! — выдохнул Ликолай. Его старые штаны лопнули. Он упал с крюка и разбил голову об пол.

— Пользовался ли лечением так называемых остеопатов? — прочел Зряха. Сознание покинуло Ликолая. Коллодий тоже повис как дохлый.

— Вопросов бесчисленное количество, — подытожил Зряха — Ответов мало.

— Главное, кто этот пенс с усами и трубкой? — почесался дубинкой Сфинктор.

— И как он уволок интерпутану из тачки? — добавил Хронид.

8. Всякое доброе

— Всякое доброе дело надо начинать с молитвы — сняла рваные колготки Полимера. Открыв кран, она разделась и, читая "Верую во единого Бога", вымылась выше и ниже талии. Вышла из ванной.

— Скажи, рябенький, что есть красота?

— Антр ну, красота это то, что спасет мир, — услышала она певучий женский голос, немного грассировавший.

На кровати в мужском грязном белье лежала незнакомая красивая женщина и курила сигарету вместо трубки. Полимера удивилась. Не дав ей осознать происшедшее, незнакомка пробежала мимо в ванную.

— Я тоже прандр юн бэн, — на бегу она сбросила кальсоны без пуговиц у ног, на завязках, и рубаху без воротника.

Полимера вспомнила, как они со стариком мгновенно перенеслись из машины на лестницу ее дома. Старик, едва материализовавшись, полез ей под юбку, мешая достать из сумочки связку ключей. Полимера сказала, что надо вынуть тампакс. Старый вытащил руку и зажег трубку от бензиновой зажигалки, сделанной из латунного винтовочного патрона. Тампакс вынула в ванной. Но теперь, когда старик превратился в незнакомку, такая предусмотрительность была глупа. Вернее, была бы, если б грудь не почувствовала теплые влажные руки. В зеркале она увидела, что незнакомка подошла сзади и прильнула всем телом.

— Как тебя зовут? — спросила Полимера.

— Апельле муа Голодея, — целуя, сказала еще недавняя старик.

Они упали на кровать и стали возбуждать друг друга там, где обычно возбуждают только любовники и редко мужья.

Полимера уже предчувствовала скорое удовлетворение. Но раздался дверной звонок.

— Спрошу, кто это, — не сдвигая ноги, пробормотала Полимера. — Вдруг почтальон или насчет сдачи квартиры. Объявление сегодня повесила.

Голодея перестала сжимать ее голову ногами. Полимера встала и спросила у двери:

— Кто там?

— Это я, — раздался мальчишеский голос.

— Что тебе? — не открыла Полимера.

— Я хочу обладать тобой, — сказал тот же голос. — Я знаю, что ты шлепнула своего мужика. Открой. Я буду обладать тобой три дня без перерыва на обед.

— Я не могу тебе открыть. У меня подруга. Она не одета.

— Годится. Подругу я тоже буду иметь, — донесся из-за двери дискант. — По очереди. Сначала тебя, потом ее.

— Я сам тэбя буду ыметь, — сказал с кровати голос старика с усами — Тры дня бэз обэда. А потом пошлю на Волгодон.

— Проститутка! — закричал мальчишка. — Мужика только что шлепнула бутылкой и уже с новым хлебешься, блин!

— А вот я сычас тэба из золотого нагана убю, — произнес стариковский голос.

Не дожидаясь, звонильщик сам выстрелил. В двери появилось отверстие крупного калибра. Полимера обернулась. На кровати улыбалась и потягивалась Голодея. На лестнице слышались убегающие шаги. Полимера вновь бросилась в объятия гости.

— Ты хочешь со мной позабыться, Полина? — погладила ее под животом любовница.

— А нас не привлекут к тюремно-лагерной ответственности за то, что мы так сексуально обожаем друг друга?

— Что ты, ма шэри. Ведь даже когда была такая статья в кодексе, она угрожала только мужчинам за мужеложество. А с сексом между женщинами еще при строительстве социализма было покончено.

9. Суггестий почуял

Суггестий почуял, что добрался до своего дома. Пахло знакомой мочой. Пару раз он заруливал в чужие, похоже пахнувшие лестницы. Это была своя. Он ввинтил лампочку, выкрученную в мертвецкой. Штукатурку бороздила картина, изображающая совокупляющихся мужчину и женщину. Надпись под картиной повествовала: "Кисуля манюня сладкая самая пошлая ученица 81 школы". В слове "пошлая" буква ш была перечеркнута и заменена на д. А д и л были потом заменены на т и н. Прежде этих поправок не было. Суггестий хотел уничтожить их, но кто-то спустился навстречу.

— Стой, живописец сопливый! — цапнул он за рукав мальчишку. — Что бежишь, как Лев Толстой из Ясной Поляны?

— С мертвецами не разговариваю, — подхватил оторванный рукав мальчишка.

— Это кто мертвец? Это я мертвец? Ты докажи сперва, а потом обзывайся, стервец! — рассердился Суггестий.

— И докажу, — выгасил огромный пистолет мальчишка по имени Сека или Филя. По прозвищу Многочлен. Его полное имя, данное родителями, было Сексофил. Он выстрелил в Суггестия. Тот или еще не окончательно оттаял от заморозки или от падения с Небес, но пули не почувствовал. Он отобрал пистолет у Многочлена и дал ему пинка под зад.

— А твоя Полимера с требарем хлебется! — падая с лестницы проорал Сексофил.

Суггестий нажал спусковой крючок, как учили в армии, но не застрелил противника. Кончились патроны. В двери квартиры он обнаружил отверстие.

— Живописец, мать его глядь! Придется в дырку глазок вставлять.

В отверстие виднелись висящие на вешалке кальсоны с тесемками. Таких у Суггестия не было. Один из ключей мертвецкой связки подошел. Дверь открылась. Суггестий не обнаружил своих шлепанцев и босиком поспешил на кухню. В холодильнике стоял ополовиненный пузырь какого-то импортного бухла.

— Без меня хахеля приняли и пузырь ополовинили, — пришло на ум Суггестию двустиише.

Из комнаты послышался смех. Один смех был Полимерин. Другой тоже бабий, но не знакомый. Голая Полимера и неизвестная тоже голая лежали на кровати клубком. Суггестий сел за стол и начал вспоминать свои стихи.

— Один-единственный ребенок сожжен в неделю scarлатиной. Муж на чердак полез с петлей ременной, когда, обмерив, гробик скотили. Тогда жена, взглянуть боясь в его глаза, замученные илом, прости — призналась — но была дочь не твоя. Ведь я тебя ни разу не любила... та-та-та-та, — забыл дальше Суггестий, — та-та-та-та-та. Ту-ту-ту-ту... сказал: я это знаю! — закончил автор.

— Что вы будете пить? — налила неизвестная голая полстакана тягучей бормотухи.

Голая Полимера придвинула тарелку с чем-то иностранным. Не то твиксом, не то воймиксом, не то тампаксом.

— Похмелился наконец, — выпил Суггестий и указал на гостью. — А это что за бабеч?

— Мой подарок к твоему дню рождения, — погладила незнакомку ниже талии Полимера. — Ты же сегодня как будто родился второй раз.

— Да, — согласился рифмоплет, — без всякого вреда получил сейчас пулю вот сюда. Хорошо, что не в ухо и не в рыло. А вчера ты мне пузырем приварила. А перед этим на Стародевичьем осьминог вроде динозавра вылез из могилы и чуть не слопал нас на завтрак. В метро мужик вез домой от центрального отопления радиатор, уронил и вывел из строя эскалатор. А возле метро попал в давку. Коммунисты орали: президента Олкозельцера в отставку! Всем, у кого есть доллары, отрежем яйца и головы!

— Мы хотим вам понравиться, милый поэт, — едва не поцеловала его незнакомка. — Только от вас какое-то амбре. Вам не угодно принять ванну?

— С удовольствием попарюсь в ванне, — начал раздеваться Суггестий, — только я хочу туда вместе с вами.

— Какой он любострастник! — обняла Голодея Полимеру. — Зовите меня просто княгиня! — крикнула она вдогонку любострастнику.

— Взял я в супруги уродку, — запел в ванной Суггестий на мотив "Очи черные", — звезда у нее похожа на меховую пилотку. А у княгини между ног штучка, как у генеральской дочери была сучка китайской породы тыквондо, выщипана от и до!

— Я ее не выщипываю, — откликнулась княгиня, — только брею и стригу.

— Правильно, княгиня, — одобрил певец. — Ты баба благородная. Зачем напрасно мучить животное детородное? Я бы тебе своего черепана одноглазого вставил. Вот только он еще не оттаял. Прямо как ледяной.

— Такой же твердый? — поинтересовалась княгиня.

— Прямо-тки костяной, — подтвердил Суггестий.

— Дай-ка я посмотрю твою тыквондушечку, — повернула княгиню к себе Полимера.

— А я хочу посмотреть на твою пилоточку, — донесся из комнаты голос гостью. — Давай я тебе сделаю из пилоточки розочку или бантик. Побрею тут и тут.

Раздался выстрел.

— Да ведь там патронов нет! — выскочил из ванной мокрый Суггестий. — Зачем взяли пистолет?

— Мы не брали, — сказали сложившиеся валетом дамы.

— Что же по-вашему, на старости лет мой черепан стреляет как пиздолет? Снова раздался выстрел. Стреляли с лестницы в дверь.

— Многочлен, требанный в фокстрот! Кончай дырывать вход! — заорал Суггестий.

Дверь начали выламывать.

— Спрячемся, — подала идею княгиня. — Влезем все вместе в ванну и пустим горячую воду, чтоб не замерзнуть.

Дверь взорвали. В проем, стреляя из автоматов, вбежал почти десяток в красных чулках, натянутых на лица.

— В комнате пусто, — огляделся один.

— На кухне ни души, — толкнул дверь ногой второй.

— В ванной никого, — распахнул дверь и отодвинул пластиковую занавеску третий.

— Я слышал, как они орали, — удивился взорвавший дверь.

— Пахнет бабами, — понюхал первый ворвавшийся.

— Жареными, — понюхал другой.

В ванной трое прилаживались друг к другу, составляя композицию сложного смысла. Суггестий хотел трахнуть княгиню, но промахнулся и трахнул Полимеру.

— Надо бы полистать "Ветви персика", индийское наставление. Что делать, когда черепан выбирает неверное направление. Оно у меня под подушкой лежит. Как забуду ночью, вынимаю, читаю и делаю, как по науке надлежит, — смутился промахнувшийся.

Полимера вылезла из ванной, чтобы достать книгу.

— Я тебе не рекомендую надевать халат, — предостерегла княгиня.

Но Полимера пренебрегла предостережением. Все-таки десять мужиков, хоть и в чулках.

В комнате один из налетчиков нюхал недопитую бутылку. Увидев выходящий из ванной пустой халат, он отвалил челюсть под чулком, но опомнился и потянулся за автоматом. Во взорванную дверь, стреляя, ворвался еще десяток. На этот раз в зеленых чулках на мордах.

Красномордые сразу начали отстреливаться. Зеленомордые бросили связку гранат. Стены запятнались кровью и красными ошметками.

На месте каждого разорванного в клочья красночулочника возникали тут же несколько в таких же чулках с такими же автоматами. Зеленые еще свирепее палили и косили их очередями и рвали гранатами.

Красным становилось тесно, но они не переставали множиться. Зеленые истратили еще несколько связок гранат, разрушили в квартире остат-

ки перегородок. После этого изменили тактику и начали хватать красных за ноги и бить головами об капитальные стены и углы. Красночулочники визжали на языках давно исчезнувших народов. Один из них огрел своего врага подушкой. Другой запустил в зеленочулочного книгой "Ветви персика".

Зеленочулочные окончательно ожесточились. Они так молотили остатками мебели, что красночулочные мельчали на глазах.

Соседи снизу стучали в потолок, видимо, шваброй. Соседи сверху, вероятно приникли ушами к полу. Соседи справа и слева поворачивали ручки замков, задвигали задвижки, набрасывали дверные цепочки.

Последний красночулочник получил ножкой от стола по голове. Его разъяли на куски и спустили в унитаз. По знаку одного из них зеленочулочники все превратились в зеленый дым и вылетели в разбитое окно.

— Уж и не знаю, чем бы теперь вечер завершить, — налила из чудом уцелевшей бутылки в чудом оставшуюся кружку княгиня. — Не сходить ли в казино?

— Мои последние колготки уволокли, бельдюги! — всплеснула руками Полимера.

— Во мелочники породы скобарской! — сплюнул порошок штукатурки Суггестий. — Не иначе эти зеленомордые из группировки казанской. Да и из тамбовской группировки на что попало кидаются. За копейку красномордые удавятся.

— А твои кальсоны не взяли, — нашла их Полимера у бывшей двери на кухню. Одной кальсонины, правда, не было.

— Ты бесподобна и без колготок, — осмотрела Полимеру княгиня. — Я бы порекомендовала тебе чулки с резинками. А лучше с подвязками. А к ним можно маленькие панталоны, — сделала из воздуха женские прозрачные трусики изощренная модница.

— Не маловаты? — усомнилась Полимера.

— Примерь.

— А кальсон у тебя целых нет в заачке? — вытащил из осколка пепельницы окурок Суггестий. — А то мой одноглазый мерзнет как снайпер на водокачке.

Княгиня сотворила шерстяные итальянские кальсоны с муляжкой на ширинке.

— У меня есть на примете одно казино, — надел кальсоны хозяин снайпера, — бывший секретарь райкома открыл в бывшем райкоме партии не так давно. Теперь он депутат от партии любителей советской сыровой массы. Но туда только на баксы.

— Какие пустяки! — протянула ему сигаретку княгиня. — Портмоне с ассигнациями в кармане.

Прикинутые не хуже, чем на обложке свежего журнала, они вышли в бывшую дверь квартиры. Сосед попытался высунуться над цепочкой.

— Ваши гости уже ушли?

Полимера увидела на лестнице кровь и мозги и спохватилась. Она вынесла несколько ведер с разведенным стиральным порошком и выплеснула на стены и ступени.

— Кто это там наверху все ссыт и ссыт? — раздался старушечий голос с первого этажа. — Никак нассаться не может? Видать, ссударь из новых!

Суггестий в ответ громко задекламировал:

— Ты предо мною виновата в том, что под праздник Покрова звала прохожего солдата в мою фамильную кровать. Ты предо мной всех виноватей в том, что в полночный голый жар солдат прохожий на кровати в твоих объятиях лежал.

— В казино, верно, ездят на иномарке, — предположила Полимера.

— Же не компран па ле мо "иномарка", — схватила княгиня убегающую в подвал крысу. — Но сделаю попытку.

Она пнула жестянку, которая валялась на асфальте. Жестянка из-под пива "Хейнекен" превратилась в белый "Мерседес".

— Вы умеете править бензиновым ландолетом? — обратилась княгиня к болтавшейся на хвосте крысе.

Крыса отрицательно завертелась.

— А почему ты такая тощая?

— Новая отменная порода домашних животных современная. Шерсть на усах густая. За стройность тела называется русская борзая, — определил Суггестий.

Крыса утвердительно запищала.

— Я умею сигналить, как "Мерседес": пам-пам! — вспомнила Полимера.

— А я могу монотонно храпеть наподобие мотора, — обрадовался Суггестий.

Княгиня превратила крысу в водителя.

— Сигнальте и храпите, — уселась она рядом впереди.

— Хррр, — захрапел Суггестий.

— Пам-пам! — засигналила Полимера.

Иномарка поползла. Княгиня опустила стекло. В салон влетел свежий ветер и вопль из окна одного из верхних этажей.

— Ой, умерщвляют! Ох, губят! Ох, лишают здоровья и благосостояния! Ооой! Умираю! Умерлааа!

— Эта долгожительница каждый вечер и каждое утро уже несколько лет кричит, — успокоила Полимера. — А все жива, курва.

— Миллиардер — всем ребятам пример! — похлопал себя по карману Суггестий. — Выиграю — махну на Запад, приобрету в окрестностях Парижа замок. Посажу у веранды незабудки и буду нюхать три раза в сутки.

— Прибавьте скорость, милостивый государь, — оглянулась в заднее стекло княгиня.

Сзади из легковой машины, кажется, шведской марки высунулся некто в берете и красном чулке на лице и целился из автомата в шину их мерседеса.

— Вззз! — взвыл Суггестий так, что выблевал пулю, всаженную в него Сексофилом.

— Ква-ква-ква! — закричала Полимера.

Бывший борзая крыса повернул руль сначала направо и мгновенно влево. Пули из автомата вспилили асфальт. Задняя машина рванула вправо и врезалась в осветительный столб. Один из загоревшихся пассажиров сумел выскочить. Фонарь со столба упал ему на голову и разбил на куски. Машина взорвалась.

— Небось Сталина на ветровом прилепили, — засмеялся бывший борзая. — У, брокеры! Мало вас Меченый Минеральный талонами сушил.

10. Милиция и коммунальная служба

Милиция и коммунальная служба убрали труп перед входом в казино. Суггестий и Полимера перестали выть и кричать. Суггестий сказал "тпруу!". Мерседес остановился напротив светящейся витрины. Двое пятнистых в бронезилетах распахнули стеклянные двери. Распорядитель выскочил из подсобки с подносом фирменного бухла и хрустальных рюмок.

— Бонжур, месье жлобинье, — глотнул три бульки Суггестий. — Хорошая погода в вашей вечно солнечной стране!

Все трое радостно поклонились ему.

Между тем две леди уже сделали свои ставки на рулетке. На красное и черное. Суггестий поставил тоже, купив фишки на всю наличную валюту. И выиграл тоже. В честь этого он снова слегка бухнул.

— Люблю хорошую игру! А где тут играют в очко, секу или буру? — огляделся он.

Крупье женского пола в просвечивающей блузке пригласила его к столу. Там сидели монолитные жлобинье молчаливого образа поведения.

— Голодея сказала, что твои карты сегодня: тройка, семерка и туз. Ставь побольше, — приютилась за спиной Суггестия Полимера.

Суггестий поставил на кон кучу фишек. Княгиня одобрительно опустила неправдоподобно длинные ресницы. Суггестий взял карту и увидел тройку.

Его противники оценили мысленно кучу фишек. Но большинство прибавили. Куча утроилась или почти учетверилась. Вторая карта у Суггестия оказалась семерка. Он вывалил в кучу все свои оставшиеся фишки. Все жлобинье, кроме одного, бросили свои карты. Куча фишек была во весь зеленый стол. Последний противник взял третью карту и слегка посинел.

Суггестий взял третью карту и, не глядя, бросил все три свои на стол с криком "Очко!" Стал грести к себе всю кучу фишек.

— Где очко, жидяра? — опомнился посиневший. — Тройка, семерка и дама!

— Че дама? Че дама? — сгребал фишки Суггестий — Туз тебе в рот, а не дама.

— Пиковая дама, — сказала крупье в блузке насквозь.

Суггестий уже мысленно нюхал незабудки.

— Тебе что, плохо платят за труды? Не можешь одноглазого черепана отличить от трепаной тыквонды? — все еще видел он туза.

— Соси своего черепана! — отбрила крупьерша. — Сам ты одноглазый. Дама пик с семеркой и тройкой. Это у вас в Крыжополе считается очко?

— Она права, — взяла Суггестия за лацкан княгиня. — Второй раз за двести пятьдесят лет у моих протеже за зеленым столом карта не пошла. Но ты не бздюмо. Завтра отыграемся, если будет фарт.

Подошел пятнистый.

— Вашу тачку угнали, пока вы тут понт наяривали. Вроде два полтергейста на водилу макарова наставили.

— А вы что же?

— А что я вам, в сторожы нанимался?

11. От гадюшника

— От гадюшника опять тачку угнали, — надел бронжилет Хронид.

— На углу Салтыковского и Щедринской школьница базлает. Видимо, насилуют, — прицепил под мышку калашникова Сфинктор.

— Сначала на угол? — включил мотор Зряха.

Школьница увидела казенный автомобиль, перестала визжать, но руку из-под юбки не вынула.

— Кто тебя трахнул? — снял автомат с предохранителя Хронид. — Какой он из себя?

— Усатый с хвостом, — всхлипнула потерпевшая.

— С хвостом, конечно, с толстым, зздоровенным, — согласился Зряха. — А откуда он выскочил?

— Из подворотни. В которую въехала иномарка.

— Какая иномарка?

— Не знаю, как называется. Вроде, мерзобес. Выскочил из жестянки и мне в трусы. И зубами впился.

— Куда он девался, садомазохист этот?

— В мусорный бак прыгнул.

Хронид прошел очередь мусорный бак. Из него выпрыгнула тощая крыса с жестянкой, брякающей на хвосте, и метнулась в подвал.

— Вот он! Держите его! — загорланила школьница и исчезла в другую сторону.

Санкт-Петербург

